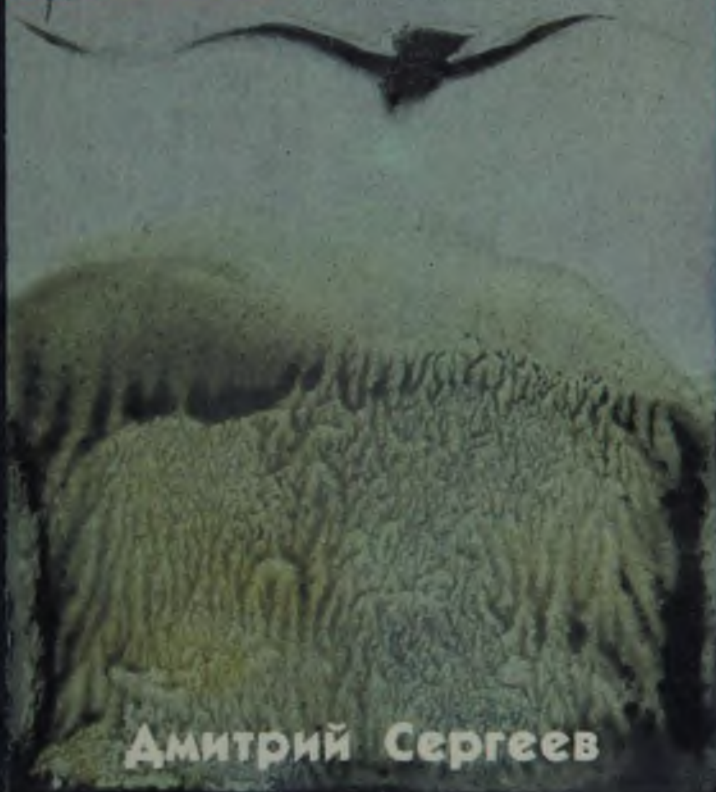
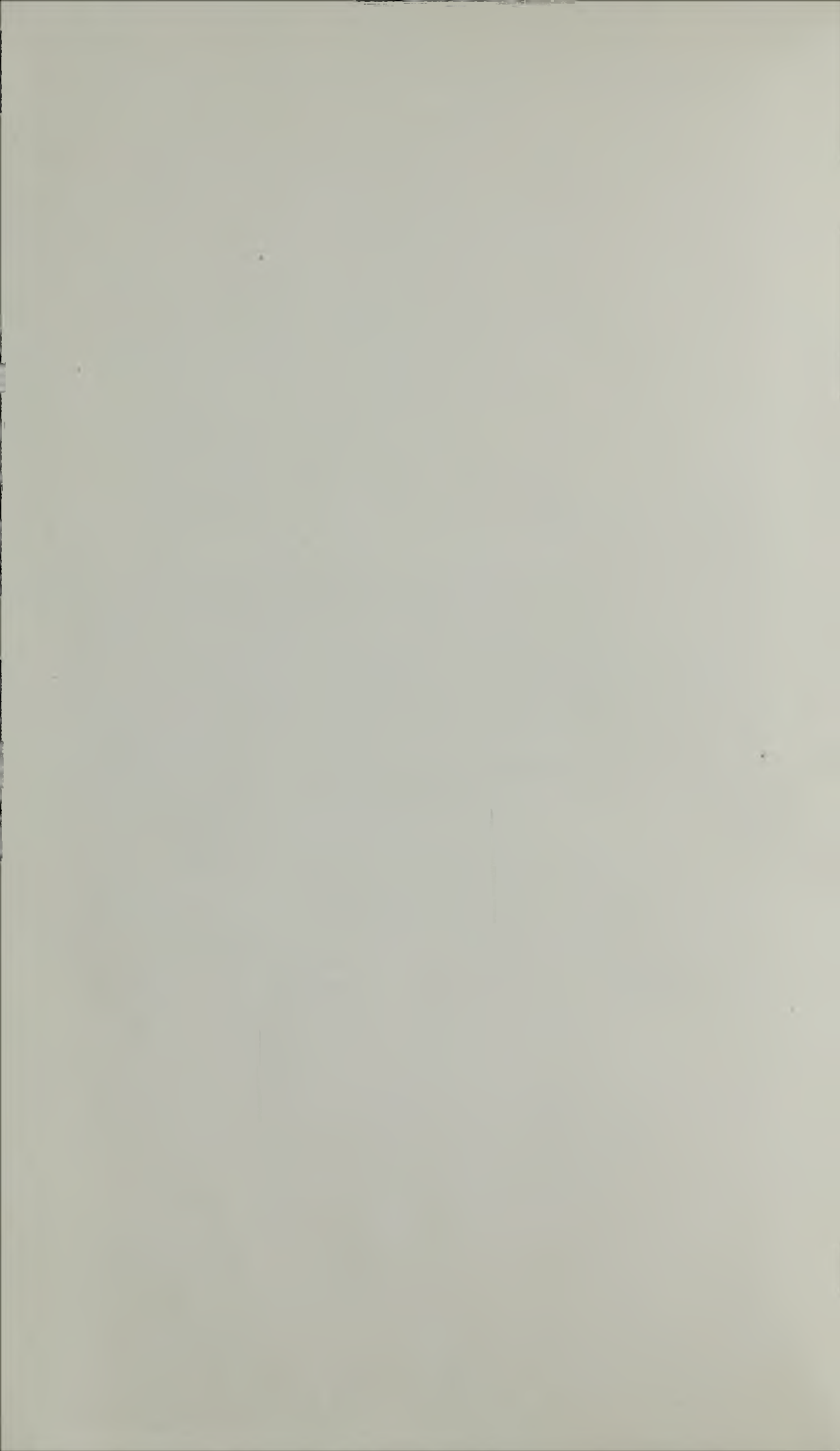

1184(210с-19с) 6
Л С 32

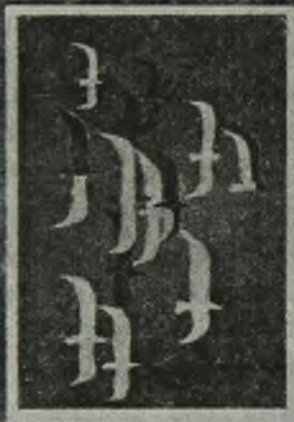
Дмитрий Сергеев

**Куда улетают
халеи**

ПЕРВАЯ КНИГА ПОЭТА

Дмитрий Сергеев

Куда улетают халеи

- 50886 2

Тюмень, 1996

Тюменский областной центр
окружная библиотека

КО

84(2Рос-Рус)6
ББК 84.5

С 32

Сергеев Д.А.

С 32 Куда улетают халеи...: Стихи /
Предисловие В.А.Рогачева. — Тю-
мень: «СофтДизайн», 1996. — 144 с.

© Сергеев Д.А., 1996.

© Комитет по информации и печати
администрации Сургутского района
(издание), 1996.

© СофтДизайн (оформление), 1996.

© Кухтерин А.С. (иллюстрации), 1996.

© Рогачев В.А. (предисловие), 1996.

ISBN 5-88709-047-2

Ю

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Сургутского района

Не позволяй душе лениться...

Вот и пришло время — после геологов, строителей, нефтяников и энергетиков — заново осваивать Тюменский Север. На этот раз в культурном ревнительстве, художественном освоении нового социально-экономического лика древней земли в уважительном диалоге с теми, кто живет здесь издавна. Нет, речь не идет о большом числе писательских имен и произведений, посвященных нашим «северам», созданных во время или после творческих поездок сюда. Речь идет о местных культурных гнездах, об авторах, постоянно живущих и работающих в регионе. Такие художественные образования наиболее успешно развиваются в Нижневартовске, Надыме.

Мощный очаг духовно-культурной жизни создан и развивается в Сургуте. Свой университет, несколько вузов и филиалов известнейших в России учебных заведений. Здесь появились свои члены Союза писателей РФ, давно работает в литературе поэт Петр Суханов.

Постепенно набирало силу лирическое дарование Дмитрия Сергеева. В Сургуте он с 1984 г. В свои сорок лет выступает с первой книгой стихов,

словно знаменуя рубеж, за которым новый этап творчества. Его лирическая перспектива несомненна, ибо наш поэт привержен прекрасной отечественной классической традиции. Это натурфилософская лирика с элементами эпического отношения к сюжету, когда метафоры и сравнения, художественные детали и приемы документально почти представляют (не описывают!) природный календарь Сургута, окружающую местность, будничную жизнь и заботы горожан, улицы и дома. Сужу по собственным впечатлениям, поскольку в силу личных обстоятельств с 1978 года целых пять лет был крепко связан с этим градом на Оби.

Русская натурфилософская лирика знаменита пейзажными мотивами, неспешной сосредоточенной работой ума и сердца, долгими и несуетными медитациями, размышлениями о вечных проблемах человеческой жизни — добре и зле, рождении и смерти, временах года, разлуках и встречах... И есть у такой поэзии одно примечательное свойство — она органично владеет психологическим параллелизмом. Естество природной жизни, ее бури и покой всегда соотносятся с настроениями и переживаниями автора. Вот Сергееву «рисует снежный вечер вдали знакомый силуэт», весенняя капля гулко отдается в сердце, и «мир вникает в каждый звук ее шагов», знакомый сургутянам долгий дождь напевает мелодию лесного скерцо.

В 70-е годы москвич Владимир Соколов вернулся к этой линии русского стиха, с вызовом заявив любителям модных парадоксов и техногенных метафор о прелестях творения «вдали от суетных Парнасов», когда с тобой в тишине беседует Афанасий Фет. В Ленинграде ему откликнулся Александр Кушнер — только сменив наш сельский пейзаж на петербургские урбанические мотивы, заповедные камни северной столицы. Не подражая им, словно разговаривая с душой Сургута, его особой гармонией, ведет свою речь Сергеев. У него кинотеатр «Аврора» похож на судно, севшее на мель, ночь не хочет быть звездной и нередкий в этих широтах июньский снег тревожит и знобит.

Поэт бережно и деликатно впускает в свой внутренний мир лирическую героиню. По традиции, в его стихах она похожа и на любимую, и на Музу, и на мать, и на случайную, но памятную встречу.

Словно бросая вызов хищным вещам века, своим современникам, помешавшимся на потребительской барахолке, добыче золота и закупке модных гарнитуров, он воспеваает прочное и простое добро извечной русской жизни — герань, поющую канарейку. А чтобы мы не подумали, что он анахорет, безнадежно отставший от суматохи текущей жизни, Сергеев поражает читателя своей музыкой ночей, японскими артефактами искусства, знакомит с кошкой Симоной.

Таков человеческий и трогательный пафос первого раздела сборника, лейтмотив которого выражен в метафоре — «окно приотворю... как воздух свеж!». Вся книга, словно симфония из четырех частей, открывающих север, город, природу, любовь. Вся книга пронизана сердечным соучастием и благодарностью простым и очень важным основам бытия, ценностному измерению сургутской духовности. Есть очень хорошие стихи («Зимнее», «Утро», «Весна в Сургуте»...).

Второй раздел, где помещены исторические наблюдения поэта, несколько неровен. Да, сегодня многие стихотворцы терзают эсхатологические мотивы, темы смерти и тоски, напрасной суеты существования. Сергеев иронизирует, пытается кричать «о чем-нибудь», боится, что опять пальнет «Аврора», с болью пишет о том, что люди пропили Бога, проклинает политиков, «с Севера сгоняющих людей». Он пишет новогодние послания, надеясь, что наступающий очередной хоть в чем-то будет светел. Но и в этом разделе привлекают стихотворение «Ослик», рассказ о железных нефтяниках, зарезавших хрупкую северную землю. Есть просто потрясающая миниатюра о текущей экологической катастрофе с пронзительным образом: «Скажешь внуку: «Здесь росли березы». И поправишь свой противогаз».

В третьем разделе Сергеев путешествует — видения, водовороты, возвращения, жажда пре-

одолеет барьер, победит скачущего на него черного всадника. Есть подлинные находки — Вселенная со зла родила свои черные дыры, а у поэта «в душе гнездится птица огненного света». Хороши стихи о Ван Гогe, о псе-бродяге, о желании преодолеть усталость и свинцовую мерзость буден.

Последний раздел сборника — приглашение в творческую лабораторию поэта. Сергееву удалось интересно рассказать в образах и метафорах про свое вдохновение, предметно-вещные реалии бытия, дорогие только ему и теперь подаренные нам: стихотворения «Живопись», «Висит гитара на стене»... И словно торжественное обещание — плыть в свою поэзию дальше — звучит «Предутреннее» — о чем? — о том, как иногда свободно пишутся стихи.

Итак, поэтическая сила Сергеева — в личном бережном и органичном усвоении коренной традиции русской лирики. Понятно мне его стремление поговорить с коллегами на новоязе, выказать богатства собственного культурного фона (японское искусство, «Жерминаль», фантазмагория Баха...). Ясно, что найдется достаточно вертухаев, заботящихся о преодолении якобы комплекса провинциальной замкнутости наших тюменских авторов. Вот и Сергееву захотелось показать всю палитру своей культурно-поэтической географии. Тут и Скандинавия, и «бонсай»,

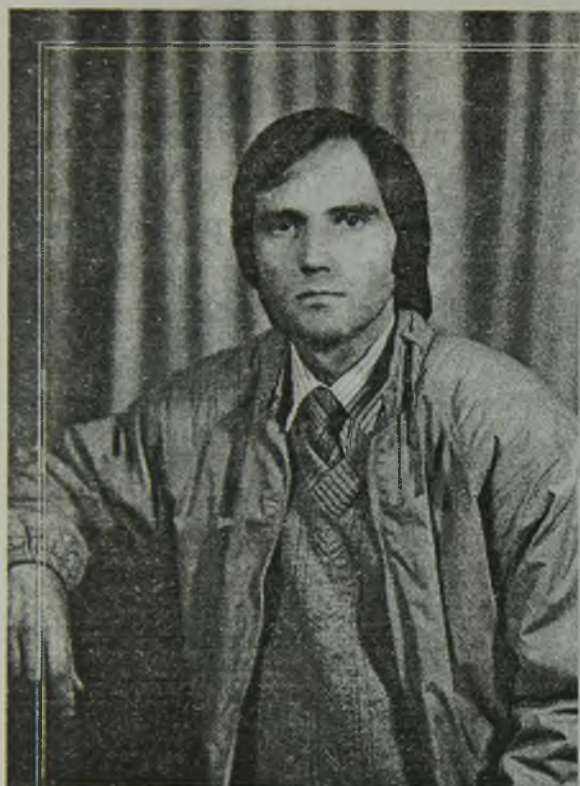

и масса громких имен, градов и весей. Из статьи в статью я вынужден напоминать нашим литераторам — дорожите отчим домом, дорогими для вас людьми и отношениями. Через это слава ваша будет непреходящей, войдут в историю нашей культуры те места и события, где вы жили-были. У вас свое прекрасное и незаменимое место под солнцем, которое светит всем.

Кто знал до Ван Гога про Арль и его виноградники, кто восторгался до Кафки затерянными среди подобных предместьями Праги? Почему не стекались толпы в Ясную Поляну до великого эпоса Льва Толстого? Чей взгляд замечал до Левитана скромный русский приволжский городок Плес? Лишь после того как к этим местам приникли сердцем и душой, творческим вдохновением мастера слова и кисти, мир оценил их гармоническую магию и прекрасную неповторимость.

Вот и после книги стихов Дмитрия Сергеева мы полюбим и по-новому откроем замечательный югорский город Сургут, его природный и человеческий календарь, так своеобразно воссозданный нашим поэтом.

В.Рогачев,
кандидат филологических наук,
доцент Тюменского государственного
университета.

Дампирн Сергеев

Родился в 1956 г. в Донбассе. После окончания исторического факультета Донецкого государственного университета работал учителем в школе.

В г.Сургуте с 1984 г. Работал учителем, инспектором по делам несовершеннолетних, в последнее время на журналистской работе. Член Союза журналистов России.

Первая подборка стихов была опубликована в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент» в 1988 г. Печатался также в сборниках «Сургут поэтический», «Праздник первого снега», «Дорогами войны», журнале «Югра».

В 1993 г. вышла книга фантастической прозы «Ложная дверь».

*«Окно приотворю...
Как воздух свеж...»*

* * *

То светит солнце в миллион свечей,
То студят ноги ледяные росы —
Здесь все привычно: ночи-альбиносы
И стаи черных длительных ночей.

Озябнут сосны в колющий мороз
Или пройдет негодное лето,
Для многих все же лучше нету,
Чем хвойный край с просветами берез.

Утро

Муза, словно женщина, с которой
Надлежит проститься поутру,
Удалилась. День нахлынет скоро,
Но восход тебе не по нутру.

Строк твоих иссякшая протока
Замерла. В ней рифмы не текут,
И, играя заревом востока,
Усмехнулся окнами Сургут.

Зимнее

Ночь. Мороз. В белом инее лес.
Месяц холодно смотрит с небес.
Лижет глубины серых туч
Серебристый холодный луч.

Сучьев треск. Отблеск пламени. Дым.
Сосны спят под покровом седым.
Не гони, незнакомец, меня,
Дай с тобой посидеть у огня...

Звезд молчанье и неба шатер.
Догорел одинокий костер.
И ложился созвездий свет
На глубокий олений след.

* * *

Сорвался снег. Февральский вечер.
Из окон льется робкий свет.
Еще квартал до места встречи,
Ну кто сказал, что счастья нет?

Ну кто сказал, что жизнь не вечна?
Снежинки пальцами ловлю.
Я верю в жизни бесконечность
И грустных мыслей не люблю.

Зима. Аллея. Место встречи,
И на тропе знакомый след...
Зачем рисует снежный вечер
Вдали знакомый силуэт?

* * *

Гудит метель полночною порой,
Но ты спокойно спи, сомкнув ресницы,
И пусть тебе унылою зимой
Весенняя распутица приснится.

Пускай тебе приснится солнца свет,
Ручей, бегущий к речке в нетерпеньи,
Вечерний час, когда метелей нет,
Жемчужность неба и садов цветенья.

Пусть легкий снег кружится на ветру,
Глубокими сугробами ложится,
Увидишь ты, проснувшись поутру, —
Весна к тебе летит на колеснице.

* * *

Сквозь декабрьские метели
К январю спешит зима,
Будут скоро сосны, ели
Мишурой блеснуть в домах.

То не ветры хвою треплют,
Слышны крики у реки —
Там по лесу ходят цепью
С топорами мужики.

Что, колючая, покорно
Ты склонилась и дрожишь?
Держит почва? А без корня,
Как и с ним, не убежишь.

Ветви пышны, ствол не шаткий.
Для кого-то — божий дар.
И вот этот, в рыжей шапке,
Нанесет сейчас удар.

Дома — в таз: воды напейся,
На пол иглы не бросай,
Но, родная, не надейся —
Стать похожей на бонсай...

После праздничной запарки,
Новогодних шумных дней
Поразисься: сколько в парках
Вместо елок черных пней.

* * *

Терялся сердца частый стук
Меж плавных линий тонких рук,
И звезды спорили с луной
За занавеской кружевной.

В окне забрезжил ранний свет,
Нежданно хлынувший рассвет
В охапке серых туч принес
Неудержимый ливень слез.

Внизу, где мир казался дном,
Под липы высохшим стволом
Лежала птица за окном,
Застыв со сломанным крылом.

Отъезд

На гребне крыши сонная ворона,
Уныл вокзал и мрачен город, но
Едва отчалит поезд от перрона,
Душа незримо выпорхнет в окно.

И будет поезд медленно, но верно
Под перебранку увальней-колес
Везти меня, подрагивая нервно,
Среди весенних плачущих берез.

В пути

Торопимся. А может быть, напрасно?
Нам есть куда спешить.

Да только надо ль?

Среди лесов вот так нестись прекрасно,
Но здесь не Бенилюкс и не Канада.

Уймись, водитель, не гони так скоро,
Тревожит взгляд мельканье древесины.
Да, я из тех, кто тоже любит скорость,
Но и из тех, кто любит апельсины.

А вдруг судьба нам выйдет
несчастливой? —

Растает жизнь дрожащей струйкой дыма
На этой узкой, этой торопливой
И на ухабистой дороге до Сортыма.

Ожидание

Ты, наверное, ждешь.
Остановка, окон мокрые стекла.
Светофор расплывчатый, блеклый —
На перроне дождь.

Силуэты, зонты.
Люди вдоль поезда топчут лужи.
Ну и слякоть! Бывает ли хуже?
Лица, руки, цветы.

Свет во мгле суеты:
Поступь быстрая, невесомая,
И глаза такие знакомые —
Это ты.

Весна

Подтаяло, и на душе светлей.
Такая гулкость в воздухе окрест!
Зима тянулась вереницей дней,
Как долгий поезд через переезд.

И мир, устав от вечной белизны
Ее уже слежавшихся снегов,
Встречает приближение весны,
Вникая в каждый звук ее шагов.

* * *

Прохудилась крыша поднебесья,
Заметались струи на ветру,
По дороге к дому вымок весь я,
Совершив пробежку поутру.

И, отогреваясь чашкой чая,
В стороне от суетных забот
Наблюдал, как топчется, скучая,
Мокрая собака у ворот.

Шарманщик

Свежесть утра хороша,
Развернись-ка, пой, душа!
Во дворе стоит шарманщик,
Крутит ручку не спеша.

Из высокого окна
Смотрит ласково она,
У нее глаза сияют,
И в душе царит весна.

Угасает ясный день,
И легла на дворик тень,
А шарманщик все играет —
Для нее играть не лень.

Крутит ручку не спеша.
Ах, девица хороша!
Ничего, что у красотки
Нет, как видно, ни гроша.

Весна в Сургуте

Весна в Сургуте — северный каприз,
В ней, как всегда, весеннего немного,
Ты кофе пьешь, отчитываешь Бога
И сквозь двойные стекла смотришь вниз

На серое остеклененье луж,
Вчера еще морщинистых от ветра.
Здесь, с высоты неполных восемь метров,
Взглянув, промолвишь «да»
с добавкой «уж».

На ближнем плане чахнувшая ель,
На дальнем — островки бывшего бора,
В три четверти кинотеатр «Аврора»
Похож на судно, севшее на мель.

Еще ни разу не было дождя,
Не говоря о молниях и громах.
Из-за угла изогнутого дома
Метет поземка улицей вождя.

Ты медленно задергиваешь даль,
Упрятав интерьер за занавеской,
И в свете бра, похожая на фреску
С мадонною,
Читаешь «Жерминаль».

* * *

Окно приотворю... Так воздух свеж...
Июньский снег,
на странный сон похожий,
Едва не скачет мерзнуций прохожий,
Кляня прогноз и призрачность надежд.

Прозрачный полог ляжет от крыльца
До края улиц медленно и зыбко.
Былой зимы несмелая улыбка,
Которая вот-вот сползет с лица.

И будет долгим-долгим бледный день,
Ползущий неотступно к смутной ночи,
Которая быть звездной не захочет —
Такой период, а не просто лень.

Лесное скерцо

Здравствуй, лес, я в гости снова.

Хоть березы стали выше,

Не достать им кроны сосен.

Шорох падающих шишек

Слышен справа, слышен слева —

То русалка или нимфа,

Словом, сказочная дева,

Возродясь из древних мифов,

Все шалит, играя с пришлым,

Манит клюквенным рубином,

Хмель ее объятий пышных —

Не чета крепленым винам.

Манит к травам изумрудным,

Норовит прилечь заставить,

Коль душой не будешь скудным,

Может все тебе оставить.

Для тебя плоды и воды,
Что берешь — она все видит,
Но не бойся, царь природы,
Будешь нежным — не обидит.

То ли была все, то ли небыль:
Дар — в корзине, радость — в сердце,
Ничего, что в дырах небо,
Спой мне, дождь, лесное скерцо.

Письмо

Сентябрь деревья тронул позолотой,
Упала в травы первая листва,
Грустит камыш на отмелях болота,
И где-то гулко ухает сова.

Волнуют взор рябиновые вспышки —
Осенних дней приветственный салют.
Они могли б взлететь и вспыхнуть выше,
Но им тугие ветви не дают.

В пустых заботах время коротаю,
С тоской смотрю на бледную зарю.
Ну вот уже и птицы улетают,
А я с тобой лишь в письмах говорю.

Я в маленьком конверте посылаю
Ночную грусть берез в лесной тиши,
Простор небес, курлычащую стаю
И вместе с ними часть своей души.

До холодов, до зимних проявлений
 Мне будет вид лесов напоминать
 Похожую на их наряд осенний
 Волос твоих спадающую прядь.

* * *

Поднимаюсь я бодро в дремотную рань,
На окне у меня хорошеет герань,
В новой клетке
 большой канарейка звенит,
На широкий простор тянет утра магнит.

За кварталом уже начинается лес,
В нем березы и сосны растут до небес,
Лето выдалось доброе в этом году,
Я в спортивном трико
 на природу пойду.

Хорошо по траве пробежаться трусцой,
Встречный ветер прохладой омоет лицо.
Будут вольные птицы раскатисто петь —
Это просто совсем, стоит лишь захотеть.

Выхожу на балкон я, зарею влеком:
Свежевато сегодня, и лес далеко.
Канарейку кормлю, поливаю герань,
Ну куда побегу я в такую-то рань!

* * *

Свет фонарей в окно сквозит немножко.

На подоконнике прядет ушами тень.

— Симона, спишь?

(Симона — это кошка).

Она не спит, но ей ответить лень.

Шуршат часы, и улица доносит

Далекий гул полночного авто,

Собачий лай недремлющего просит

Внимать ему, но это все не то.

Но вот пространство густо зацветает

Дрожащим блеском тысячи свечей.

Смолкает все, и в воздухе витает

Совсем другая музыка ночей.

*«Мне кажется,
что я здесь раньше был...»*

Последний патрон

(Рассказ фронтовика)

Деревянный вокзал.

Опустевший перрон.

А на рельсах стоял обгоревший вагон.

Нам сказал политрук

(был решителен он):

— Для себя должен каждый
оставить патрон.

Догоревший вокзал. Стая черных ворон.

Я в обойму вложил

свой последний патрон.

Почему во весь рост? Отчего не стрелял?

Был противник не прост — он,
наверное, знал.

Он смеялся в лицо и не думал стрелять,
Вел себя храбрецом.

Разве трудно понять?

Пара черных крестов

и плетеный погон...

Не сберет для себя я последний патрон.

Бомба

Она упала и не взорвалась,
Зарылась в мягкий грунт по оперение.
И люди, смерть которых обошла,
Отметили свой новый день рождения.

Солдаты обезвредили ее.
Но полностью откапывать не стали —
Спешили. Разлеталось воронье,
На запад шли полки, сверкая сталью.

У дома, утонувшего в садах,
Средь виноградных лоз она осталась
Как память о пылающих годах,
Но быть опасной вещью перестала.

А время шло: то осень, то весна.
Сменялись исторические вехи.
Ржавела в винограднике она,
И в детстве я колос на ней орехи.

Оставшиеся жить судьбе назло
 Другьям в свой
 необычный день рождения
 Рассказывали, как им повезло,
 И радовались этому везению.
 Но сколько бомб таких в земную твердь,
 Неразорвавшихся,
 войной надолго врытых!
 И сколько отмечающих теперь
 Столь странный праздник —
 праздник неубитых.

Кремль

Разлился лунный свет холодным блеском,
Позолотив изгибы куполов,
И будто бы неосторожным всплеском
Он окропил поверхности крестов.

Спит белый кремль
 не в глубине столицы,
А в отдаленном уголке страны,
Но здешним башням тоже ночью снится
Былое время русской старины.

Ветшают год от года башни эти
В унынии и часто в забытии.
Прости нас, Русь, ведь мы еще как дети,
Неблагодарные, а все-таки твои.

Мы путь порой не вовремя итожим,
Доверившись наветам злой молвы,
Но без кремлей России быть не может,
Как без корней не может быть листовы.

Форпосты стен и башен разбросала
 Судьба среди лесов, среди полей.
 Мы знаем, как Отечество спасала
 Надежность этих маленьких кремлей.

* * *

Облетает листва.
Попрощайтесь со мною, солдаты.
Что ж ты, клен, старый друг,
Так недвижим и снова молчишь.
Я меняю на степь

и привычные белые хаты
Всю осеннюю грусть
Острроверхих готических крыш.

А над Эльбой туман
Занавесил багряные дали.
Так скрывает от нас
Все бывшее времен пелена.
Буду завтра уже
На далеком московском вокзале
Вспоминать о тебе,
Незнакомая раньше страна.

Жилище

Вот, наконец, и мне дано
Отдельное жилище.
Пусть необычное оно,
Но здесь уютней, чище.

Не раздражает яркий свет,
Не докучают гости,
И будут здесь немало лет
Мои храниться кости.

Но что за шум над головой
И голоса глухие?
Латунных труб протяжный вой...
— Что надо?! Кто такие?!

Эй, люди, может, здесь я сплю,
Шумите вы не слишком?
— Молчи, мы к твоему жилью
Приделываем крышку.

Вороны

Вороны — вечные птицы.
Сколько им в небе летать!
Сколько на крыши садиться,
Годы свои коротать!

Вороны — черные птицы.
Сотни и тысячи дней
Ворон над смертью кружится,
Следует тенью за ней.

Вороны — жалкие птицы.
Кормит их горе других.
Им ли судьбою гордиться?
Жалкая участь у них.

Ворон, спокойная птица,
В чем, расскажи, твой удел?
— В том, чтоб беспечно кормиться
Падалью. Только-то дел.

Призрак

Он умер задолго до смерти.
Не знаю, кого в том винить.
Его в серых дней круговерти
Забыли похоронить.

Маячит он зыбкой тенью,
Не чувствуя и не дыша,
Поскольку давно уже тлению
Подверглась его душа.

Бессмысленно и монотонно
Он речи порой говорит.
Печаль его сердца не тронет,
Ведь умершее не болит.

Не раз в похоронном хоре
Кого-нибудь он отпоет,
Когда на всеобщее горе
Опять чье-то солнце зайдет.

А ветер в древесной кроне
Нашепчет печальный стих,
О том, как ходящий покойник
Хоронит вечно живых.

* * *

Мы стоим в тупике,
где кончаются рельсы,
Между шпал,
и сквозь них прорастает бурьян.
Наш начальник неважно
командовал рейсом,
Да и стрелочник,
видно, был здорово пьян.

В пыльных окнах застыли усталые лица,
Сник увядшим цветком
чей-то розовый бант.
Стали стрелки часов.

И угрюмо косится
Полосатый шлагбаум, как арестант.

Машинист — дилетант,
но зато при параде,
Ржавят оси колес проливные дожди.
Мы стоим, ведь у нас
пьяный стрелочник сзади,
У двери проводник, и овраг впереди.

* * *

Я в детстве видел: старый инвалид
В пивной на скрипке дряхленькой
играет.

К нему толпа вокруг благоволит,
Бесплатно щедро пивом угощает.

Был жалок вид седого старика,
А скрипка так тоскливо завывала,
И продавщица, пьяная слегка,
В стеклянных кружках пиво подавала.

Я это все случайно подсмотрел.
Мне стало грустно, стало как-то стыдно.
Я этим чувством будто заболел,
За инвалида было мне обидно.

Немало лет прошло, но иногда
Мне все казалось: в привокзальном баре
Седой старик играет, как тогда,
Теперь уже, быть может, на гитаре.

И я однажды в этот бар зашел:
Там шик и блеск,
 на стенах бра под свечи,
Я старика, конечно, не нашел.
Я так и знал, но стало как-то легче.

Поворот

Вот опять поворот, и никак
 не устанет Фортуна,
Устремляясь вперед, над судьбою
 моей ворожить.
Мне не часто везло, и порой на мели
 моя шхуна,
Но невзгодам назло так безумно
 мне хочется жить.

Нас учили добру,
 проповедуя праведность мира.
Я скажу, не солгу: мы надеялись жить
 не устать.
И входили мы в жизнь,
 как с похмелья от сладкого пира,
Как птенцы, что упали с гнезда,
 не умея летать.

И бросало нас в пыль, нас нередко
 так больно топтали.
Это грустная быль. В нашем мире
 нетрудно пропасть.

Но, окрепнув тогда, с болью
в крыльях мы все же взлетали,
Чтоб уже никогда, никогда
больше вниз не упасть.

Вот опять поворот. Все привычно,
и крыльям не больно.
Мне не может ничто помешать
мой полет завершить.

Только тяжко уму, ноет сердце:
быть может, довольно?

Только сам не пойму, отчего
мне так хочется жить.

Девяностому году

Истаял год. Часы пробили полночь.
Нам, как всегда, несбывшегося жаль.
Но снова мир надежд и планов полон
И ждет чего-то, вглядываясь в даль.

Там, меж светил, мерцающих игриво,
Спешит из глубины грядущих лет
И в небесах колышет пышной гривой
Гнедая лошадь в яблоках планет.

Несется вскачь сквозь гулкое раздолье,
Пришедший год себя провозгласил.
Что будет в нем? — На то Фортуны воля
И наша тоже (если хватит сил).

Скачки

На ипподроме страсти играют:
Зрители громко кричат,
Всадники резко коней погоняют,
Только вот кони молчат.

Важный наездник на рыжей лошадке
Лихо обходит других.
Те, что на острые зрелища падки,
Каждый вопит за троих.

Яркая грива огненно реет,
Всадник, не хватит ли гнать?
Лошадь бежать не сумеет быстрее,
Чем она может бежать.

Ослик

По кругу ходит ослик,
Вращает механизм,
Но он узнает после
Судьбы своей трагизм.

Не спрашивай нас, ослик,
Куда лежит твой путь,
О каверзных вопросах
Надолго позабудь.

По кругу ходит ослик,
Завязаны глаза.
Быть может, он и против,
Зато другие «за».

О чем твоя забота?
Меняется ль пейзаж?
Работай, друг, работай,
Ведь жизнь — не вернисаж.

Устал от лямки ослик,
 Тяжелый путь прошел,
 Но он узнает после,
 Что никуда не шел.

* * *

Мы мимо погранных святынь
Проходим, глаз не поднимая,
Сквозь мрак снедающих пустынь,
Мольбам и стонам не внимая.

Уходим в грезы и в запой,
Судьбою отчизны играя,
А после серую толпой
Придем стучать в ворота рая.

Прости нас, Господи, за страх,
Стоящий ночью в изголовье,
И за студеный на ветрах
Забывтый дом с худою кровлей.

Прости, Всевышний, нас за тех,
Кого давно не поминали,
И за надменный, злобный смех
Над тем, кого безвинно гнали.

За тех, кого не возвратишь,
За то, что с болью вспоминаю...
Ты щедр, я знаю. Ты простишь!
За все ли, Господи? Не знаю...

 «Мне кажется, что я здесь раньше был...»

* * *

Я избитой тайгою иду,
Всажен в почву обломок железа,
Словно кто-то огромный зарезал
Эту землю нам всем на беду.

В тишине то ли стон, то ли хрип
Из глубин, развороченных взрывом,
Пахнет нефтью мореная рыба,
И уродливо скорчился гриб.

Тают силы природной среды
Но в явлении клинической смерти
Есть надежда. Не поздно, поверьте,
Избежать подступившей беды.

Ведь тайга не совсем умерла,
В беспощадных пожарах стора,
А когда-то она здесь была
Полновластной хозяйкою края.

Вечер в бледное небо простер
 (Или мне только грезится это?)
 Устрашающие силуэты
 Мертвых сосен у черных озер.

* * *

Куда ни кинь — все черный клин,
Так беспощадно вбитый в душу.
Нет, я судьбы своей не трушу,
Но, Бог мой, я опять один.

Меня ничем не прошибешь,
Я — склеп, я — запертые двери,
Я не могу уже поверить
В еще одну святую ложь.

Душевных всплесков не терплю
И не хочу быть снова битым.
Молчу. Глаза мои закрыты,
Я притворяюсь, будто сплю.

Да, так надежней, так верней,
И, что бесспорно, меньше риска.
Но жизнь из крепости моей
Уйдет однажды по-английски.

И будет день, и будет ночь,
И будет мысль, и будет слово,

Которому мы внять не прочь,
Но сделать это не готовы.

Тогда, в охапку взяв стихи,
По воле чувства и сознания
К друзьям из долгого изгнания
Вернусь замаливать грехи.

 «Мне кажется, что я здесь раньше был...»

* * *

Мне кажется, что я здесь раньше был,
И все, что происходит, тоже было.
Вот так же люди расточали пыл,
А после все сгорело и остыло.

Тяжелая нависла тишина,
Усталость сердца требует покоя.
Но теплится надеждой мысль одна,
Что наше время все же не такое,

Что люди новые на наш Олимп взошли,
В них нет холопства, алчности и страха,
Они готовы сжечь себя до праха,
Но сохранить лицо своей земли.

Девяносто первому году

Новогодних елок свет, как прежде,
Брезжит в полумраке колкой вьюги,
Кто-то смотрит в даль еще с надеждой,
Кто-то сник и съежился в испуге.

Кто-то под торжественное пение
К сапогам пристегивает шпоры —
Не дремать! Но дай нам, Бог, терпения
Не пальнуть из крейсера «Аврора».

Точит разум дух опустошения,
И крылатый конь еще стреножен —
Развязать! Но дай нам, Бог, умения
Шашек не выхватывать из ножен.

Первый год последнего десятка,
Накануне встречи двух столетий,
Знаем, будут дни твои несладки,
Но желаем: будь хоть в чем-то светел.

* * *

Давайте покричим о чем-нибудь.

О чем — неважно,
лишь бы было громко.

О том, насколько темен был наш путь
Во мраке ночи с тощею котомкой,

О том, насколько глуп наш человек,
О том, что ничего не надо строить,
Что без того нам хватит на наш век,
И это ничего не будет стоить.

О том, что бюрократы все вокруг,
О том, что быт и беды задавили,
Что катаклизмы были все не вдруг,
А потому, что Бога мы пропили.

И будет, кто горластей, тот умней.
Но ничего не дал бы я за слово,
Что не несет живительных идей
И что давно ни для кого не ново.

* * *

Шепчущий ход будильника
отпугивает тишину,
Странно сидеть невольником
у себя самого в плену,
Трудно себя допрашивать
на предмет собственной
принадлежности
к миру, к его безбрежности,
к глухой ко всему неизбежности.
И, отвечая,
не приукрашивать.
Тень угрюмого телефона,
как печальная птица,
с гравюры Тадасигэ Оно,
Люстра, цветы в горшочках
и прочее —
Три запятых и точка,
настроение совсем не рабочее.
Галерею предметов без человека
можно поставить себе в вину.
Можно нарисовать Рим,

Иерусалим и Мекку,
Нашу Москву или всю страну,
но все почему-то
напоминает войну.
Может быть, всем нам так и надо:
злость,
выстрелы глаз,
слов канонада.
Дальше — хуже: руины Багдада,
«горячие точки» —
земные подобия ада.
Понимаешь,
действительно все бывает,
Кроме чудес,
наобещанных всем.
Каждый день медленно
нас убивают,
Пока как-нибудь
не убьют совсем.
Словно в фантасмагории Босх,
окно уродует изображение,
тишина наступает и сушит мозг
до его полного
изнеможения.

* * *

Дни беспросветные. Игры без правил.
Все повторяется, кто бы ни правил.
Но от судьбы своей не убегаю,
Может, последний раз я проиграю.

Ночи лихие. Орел или решка?
Снова судьбы моей злая насмешка.
Я свое кредо нарушить не смею
И о проигранном не сожалею.

Дождь за окошком. Отблески в луже.
Было не лучше. Будет ли хуже?
Пусть я без правил играть не умею,
Не проиграть мне всего, что имею.

* * *

Сколько ж нам учиться, чтобы видеть
Суть явлений в профиль и анфас,
И в каком земля предстанет виде
Тем, кто остается после нас?

Как-нибудь под утро выйдешь с внуком
Показать ему пожар зари,
А вокруг такая боль и скука:
Пни, канавы, камни, пустыри.

Наших славных дел скупую прозу
Ты прочтешь, насколько хватит глаз,
Скажешь внуку: «Здесь росли березы» —
И поправишь свой противогаз.

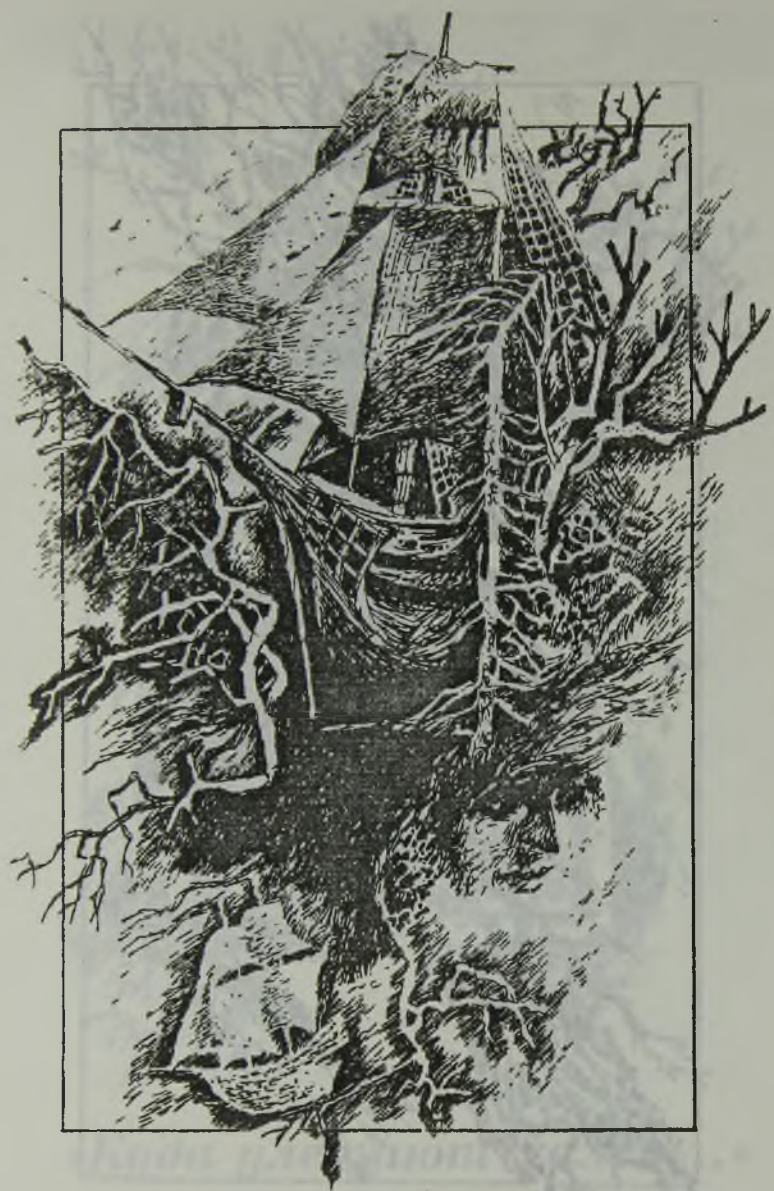

* * *

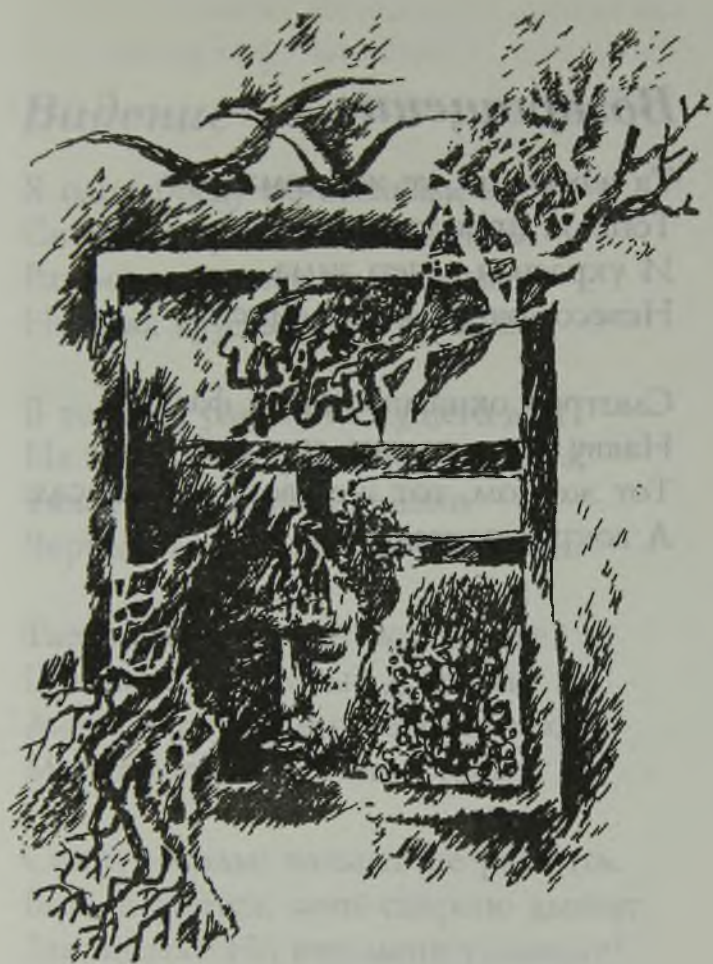
Мы все поселимся на юге —
Нам территория позволит.
Забыв стремительные вьюги,
Погреемся на солнце вволю.

Мы нефть и газ оставим вахтам,
А города — собакам диким.
Развеют злые ветры в прах там
Дома, мосты, святые лики.

В том есть резон, политик знает:
Мы Север перенаселили.
Он, к счастью, только начинает,
И воплощать пока не в силах.

«Куда улетают халеи...»

Возвращение

Та же улица, те же дома,
Тополя, приодетые в иней,
И украсила вечер зима
Невесомою дымкою синей.

Смотрит окнами старый фасад.
Наяву это или мне снится?
Тот же дом, тот же двор, тот же сад,
А вокруг незнакомые лица.

Видение

Я один бреду по облакам,
Синева с оранжевым отливом
Разлилась светло и молчаливо,
Навевая грусть моим строкам.

В томном блеске гаснущего дня
Из теней, крадущихся с востока,
Тяжело и так же одиноко
Черный всадник скачет на меня.

Тает дымка, мерно сквозь нее
Прорастают темные доспехи.
Лих седок! Но мне не до потехи —
Метит в грудь тяжелое копьё.

Стынут жилы, пальцев не разжать.
Высь клубится, конь свирепо дышит.
Закричать? Но кто меня услышит?
Поздно и молиться, и бежать.

Он навис, и сделалось темно.
Час настал. Судьбу не проклинаю.
Здравствуй, всадник!
Кто ты — я не знаю,
Но тебя предчувствую давно.

Гроза в степи

Когда во тьме блеснула вспышка,
Над головой протяжный гром,
Все устремляясь дальше, выше,
Промчался диким табуном.

И часто в землю били стрелы,
Их свет казался ярче дня.
То демон злой, остервенелый
В ночной степи искал меня.

Он не из плоти был, он — марево
Из туч, из ветра и дождя,
Он хрипло в небе разговаривал,
Свое надменное твердя.

И думал я: «Да, дело скверно,
Фортуна бросила меня,
А где-то люди дремлют, верно,
Не видя грозного огня».

Водоворот

Водоворот. Как кролик на удава,
Ползет корабль то бортом, то кормой.
Водоворот — нептунова забава,
А людям очень хочется домой.

Что паруса в такой-то круговерти?
И каждый налегает на весло.
Какой улов! Везет старушке смерти,
А морякам опять не повезло.

Но что теперь тужить? Пустое дело.
Вся наша жизнь — большой круговорот.
И в ней не каждый мудрый и умелый
Придет в итоге в свой желанный порт.

Водоворот — нептунова забава,
И в кровь растерты руки о весло.
Ползет корабль, как кролик на удава,
Но слава тем, кому не повезло!

* * *

Войду в покой густых дубрав.
Здесь летом бурно жизнь текла.
Теперь увяла зелень трав,
И нет ни солнца, ни тепла.

Лишь журавлей летящий клин,
Осенний звон колоколов,
Огни пылающих рябин
И песня грустная без слов.

Густой клубящийся, как дым,
Туман окутает меня.
И станет лес совсем седым
И странным в тусклом свете дня.

Тогда увижу сквозь туман
Паренье белого крыла:
То птица счастья — мой обман,
Спрошу: «Где раньше ты была?»

Она лишь крыльями взмахнет,
 И снова будней кутерьма.
 А небо холодом дохнет,
 Сорвется снег и все... Зима.

Вздохнул ветер, застывший в воздухе,
 И снова будней кутерьма.
 А небо холодом дохнет,
 Сорвется снег и все... Зима.

Но паряла в вышине, вдали от земли,
 И снова будней кутерьма.
 А небо холодом дохнет,
 Сорвется снег и все... Зима.

Но что мне дела до будней кутерьмы,
 И снова будней кутерьма.
 А небо холодом дохнет,
 Сорвется снег и все... Зима.

Вздохнул ветер, застывший в воздухе,
 И снова будней кутерьма.
 А небо холодом дохнет,
 Сорвется снег и все... Зима.

Об ушедшем

Дожди сменялись снегом за окном,
Снега сходили бурными ручьями,
А он все хмурился и уходил на дно
Своей никем не понятой печали.

Порой сходились старые друзья,
Воспоминанья в воздухе парили.
Нередко спорили, бывало, что и зря,
И о вещах банальных говорили.

То восхищались ловкостью одних,
То удивлялись странному везению
Удачливых товарищей своих,
То радовались общему прозрению.

А он всегда смеялся только ртом,
Внимательно смотрел, но спорил мало.
Я видел все, но понял лишь потом,
Как много эта странность означала.

Я всматривался: что в его глазах?
 И жар огня, и скуки монотонность —
 Все поглощала черная бездонность,
 Но часто я в них видел боль и страх.

И в час ночной, спустя так много лет,
 Мне снится глаз знакомых выражение.
 Я просыпаюсь: в дымке пробуждения
 Мне в черных окнах

виден звездный свет
 (А этих звезд давно, быть может, нет).

* * *

Чем-то опечаленные ивы
До земли склонились у пруда.
В бездну голубую молчально
Смотрит неподвижная вода.

Старая знакомая аллея,
В золото одеты тополя.
Край, который в сердце я лелеял,
Издавна знакомая земля.

Сумрачные тучи небо скроют
В ожиданьи зимних холодов.
Но дожди осенние не смоят
Мною здесь оставленных следов.

* * *

Ни тоски, ни молвы не боялась,
И казалась колдуньей лесной.
Звонко пела, задорно смеялась,
Обещала вернуться весной.

А когда над садами смеркалось,
Говорила всегда о былом
И от жизненных стуж укрывалась
Черной ночи жемчужным крылом.

Не допела и не досказала,
Птицей канула в сизую даль,
Как игрушкой, судьбою играла,
Только мне недопетого жаль.

Одинокая иволга где-то
Вторит песни, да все не о том,
И в багрянце осенних рассветов
Я бегу за растаявшим сном.

От земли, не пугаясь паденья,
В ожиданьи грядущей весны,
Отрываюсь я без сожаленья,
И сбываются вещие сны.

Иногда случается, что вдали
Где-то вдали, где-то вдали
Есть та земля, где-то вдали
Отсюда, где-то вдали, где-то вдали

Там, где-то вдали, где-то вдали
Есть та земля, где-то вдали
Судьбы, где-то вдали, где-то вдали
Куда-то вдали, где-то вдали

Простор, где-то вдали, где-то вдали,
Чужбина, где-то вдали, где-то вдали,
Мне-то вдали, где-то вдали, где-то вдали,
Третий раз, где-то вдали, где-то вдали.

* * *

Когда последний меркнет свет
И мир накрыт сплошной тенью,
Нас часто мучают сомненья,
И кажется, что счастья нет.

Когда лишь блеск небесных сфер
Лелеет веру в прелесть мира,
Мы за своей заветной лирой
Летим, переступив барьер.

* * *

У меня в душе гнездится
Птица огненного цвета.
Ей на месте не сидится
От заката до рассвета.

Тормошит, уснуть не хочет,
Бьет тревожными крылами,
Суетится и хлопочет,
Озабочена делами.

Призрак дня светлит оконце,
Успокойся, пламя-птица.
Мне от первых звезд до солнца
Третий раз уже не спится.

* * *

По жизни дороги нелегкие водят,
И сущность пути постигаешь не вдруг,
А самые светлые мысли приходят
С усталостью ног и усталостью рук.

Порой наши годы бесследно проходят,
И все, чем живем, обращается в прах.
А самые мудрые мысли приходят
С усталостью ночи и болью в висках.

С усталостью лета листвой хороводят
Осенние ветры в преддверии стуж.
А самые грустные мысли приходят
С усталостью чувств и усталостью душ.

* * *

Люблю смотреть у плавных горок,
Как составляют поезда,
Как манит блеском светофоров
Их путеводная звезда.

Вот стрелка тихо проплывает,
Печально катится вагон,
Который сам еще не знает,
На путь какой определен.

Цепляясь крепко друг за друга
(Им этот строй давно знаком),
Как лошади в упряжке цугом,
Вагоны мчат за вожаком.

Маршрут пути составлен строго.
И, как колеса ни крути,
С гремящей стыками дороги
Теперь вагонам не уйти.

Их где-то снова разбросают,
 Иной планируя состав.
 И дальше шпалы замелькают,
 Бежать навстречу не устав.

Но теория задумана у нас
 И практика у нас другая
 А теория задумана у нас
 С практикой у нас другая

Порой и теория задумана
 И практика у нас другая
 А теория задумана у нас
 С практикой у нас другая

С теорией у нас другая
 Практика у нас другая
 А теория задумана у нас
 С практикой у нас другая

Порой и теория задумана
 И практика у нас другая
 А теория задумана у нас
 С практикой у нас другая

Беговой лошади

Ну вот и все. Еще рывок — и финиш.
И за чертой заветной ты стоишь.
Копытами ты землю разрывала,
Толпа вокруг свистела и орала,

Собравшись здесь на громкий зов афиш.
Взлохмачена подстриженная грива,
Наездник, получивший первый приз,
Тебя похлопал весело, игриво.
Бега. Одним — судьба, другим —
каприз.

Торопит кто-то время перед стартом,
Мы, люди, все куда-нибудь спешим.
А что тебе до чьих-нибудь азартов?
Ведь это мы местами дорожим.

Вот снова старт. Все стихло в ожиданьи.
Перед тобой нелегкий путь лежит.
Вот твой жокей в привычном одеянии,
Ты сбрось его — пускай он сам бежит!

Сон в дороге

На обгон не каждый здесь отважится.
Автотранспорт поднимает пыль,
И сквозь сон усталому мне кажется,
Будто бы и я автомобиль.

Будто бы и я в движеньи бешеном,
Раскалившем воздух добела,
Тоже стал картинками увешанным
Синтезом металла и стекла.

И несет меня поток неистовый,
Очертил границы мне кювет.
Утомлен асфальт ездой быстрой,
Но нигде не виден красный свет.

Задние округло смотрят фарами,
Тем, что впереди, не до меня,
А в итоге блеклыми и старыми
Путь сведет нас на исходе дня.

Мне остановить движенье хочется,
 Чтоб осела взвившаяся пыль...
 Тормознул таксист, и, дрогнув, кончился
 Сон, в котором я — автомобиль».

В какой-то старом городе
 Он никому теперь не нужен
 Когда-то он в аэропорт был
 И безразлично каждому из нас

Но старым домом остался он
 И по углам в ожидании
 Висит в сумбуке кто-то
 И вот он сит может халем

Красота нова, другая
 Москва кричат не на шутку
 И, зачеркнувшись я полюбил
 Спят в тепло друзей своих

У нас давно уже нет
 Его некуда может пойти
 Он всю надеждет жонд
 Не разрабатывает только нет

Бродяга

В квартале старом бродит пес.
Он никому теперь не нужен.
Когда-то он с людьми был дружен
И безупречно службу нес.

Но старый дом пошел на слом,
И пса уволили в отставку.
Внеся в судьбу его поправку,
И вот он снег метет хвостом.

Крадется ночь, сгущая мрак.
Мороз крепчает не на шутку.
И, завернувшись в полушубки,
Спешат в тепло друзья собак.

У пса давно уюта нет.
Его нередко гложет голод.
Он ясно ощущает холод,
Не различает только цвет.

Беспорно, не его вина
 В неуловимости оттенков.
 Он зябко жметя к белой стенке,
 А жизнь вокруг черным-черна.

* * *

Да, кончилось годов моих раздолье,
Последний лист кружится на ветру,
Но я еще поспорю с этой болью,
Нет, я еще сегодня не умру.

В глазах пространство
призрачно искрится,
А у постели ночью и с утра
Я часто вижу (мне давно не спится):
Неслышно ходит в белом медсестра.

Мне дней моих
прошедших страшно мало,
И каждый час отсрочку я беру.
Сестра, я знаю, ты со мной устала,
Прости, но я и завтра не умру.

* * *

Ты так загадочно молчала,
Таинственный бросая взгляд.
Теперь начать бы все сначала,
Вернувшись несколько назад.

Увы, кто ищет, тот обрящет,
И я достиг своей мечты —
Под звуки музыки бодрящей
Со мной заговорила ты.

Как был я слеп в своей надежде!
Но поздно — стоит лишь начать.
Ах, если б ты могла, как прежде,
Всегда загадочно молчать!

* * *

Если ты устал, ослаб и сник,
Миг — и одиночество накатит
Черной тенью, давящей цветник,
Гаснущий, как небо на закате,

Желтым светом, тянущимся с крыш,
Вязнущим в холщовой занавеске.
Памятью, в которой ты хранишь
Смысл и цвет, как время
в древней фреске.

Одолеет, выжмет до седин,
Отчуждая сразу мысль от тела.
И когда поймешь, что ты один,
То ни до чего уже нет дела.

Одному — сверкающий окрест
Вечный мир грехов с его вершиной
Нужен, как покойнику оркестр,
Топчущий дорогу за машиной.

Прищур окон, коробы домов
Прорастут заставкой на экране,
Как в нелепом цикле зыбких снов,
Ничего тебя уже не ранит.

И надрывный не раздастся крик
В лад с иерихонскою трубою,
Только твой назойливый двойник
Злобно посмеется над тобою.

Не бредом своим, ослепая, жила,
Не пылью своей ослепела ты,
Но все равно, что было впереди,
И отдалится тебе от стены.

В космических объектах

Есть царство звезд, дающих миру свет,
 Есть мир больших и маленьких планет,
 Которые, по признанному мнению,
 Поддерживают мироосвещение.

Но существует также мрачный мир
 Все поглощающих навечно черных дыр,
 Которые лучей не испускают
 И света мудрых звезд не отражают.

Нечаянно, а может быть, со зла
 Вселенная те дыры родила.

* * *

Отблеск заката погаснуть не хочет,
Вновь надо мною кружатся они:
Белую стаю — белые ночи,
Черною стаю — черные дни.

Снова бессонницей город страдает,
И в моей комнате тень на стене
То появляется, то исчезает.
Может быть, все это чудится мне?

Вот силуэт, и его узнавая,
Не говори ничего сторяча.
Разве не часто мы, все забывая,
Зло и безжалостно рубим сплеча?

Не бреди меня, отблеск заката,
Не навевай ощущение вины,
Но все яснее, что было когда-то,
И отделяется тень от стены.

Разум, не дремли же, так не бывает.
Неосторожное сердце, молчи!
Отблески памяти пусть догорают
Недогоревшим огарком свечи.

* * * * *

Сезон

Ускорилось вращение Земли.
Лишь только вечер был — и вечер снова.
И ничего уже не стоит слово,
И чувства, словно барки, на мели.

Душа, не дремань да, ты не дремань,
Может быть, тебе, может,
Сидим мы в ней * * *
Может быть, тебе, может,

С годами обрастаем оболочкой,
Через нее не видно ясных звезд,
И пусть мы в ней
Сидим довольно прочно,
Но вырваться нам хочется до слез.

И все вокруг увидеть свежим взглядом,
Вновь ощутить дыхание весны.
Чтоб не ушло все то, что с нами рядом,
В далекие, расплывчатые сны.

Чтоб не подумать, просыпаясь ночью:
«Я видел что-то близко душе,
Оставшееся там, за оболочкой,
У прошлого на нижнем этаже».

Селенит

Я живу на Луне много лет.
Здесь не брезжит зарею рассвет,
Убегает стремительно тень —
Вот и день.

А как только взойдет синий круг
(Не объять его тысячей рук).
Снова я от него отвернусь —
Не вернусь.

Йетти

Там, где горы вздыбились высоко,
Где в ночи блестит подлунный снег,
Словно призрак, бродит одиноко
Одинокий снежный человек.

Мощных склонов дивные контрасты,
Чистота нетронутой среды
Увлекают вверх энтузиастов,
Ищущих манящие следы.

Но в краю, где бурных рек истоки,
Йетти — не слуга, не господин.
Но со всеми будет одиноким
Даже больше, чем когда один.

Мельтешат искатели-туристы:
За любую цену — своего!
Осадили горы — и на приступ.
Отвяжись. Что вам до него?

НЛО

Я — мысль Вселенной,
 свыше тайный дар,
Я не инопланетная поделка.
Здесь утверждают, будто я — тарелка,
Мне все равно, пускай хоть самовар.

Я — неопознанный летающий объект,
Над этим миром странствовал немало,
И мне уже давно понятно стало,
Насколько непонятен человек.

Он горд собою, много говорит,
И в то, что говорит, не часто верит.
Себя отнюдь он не считает зверем,
Венец природы он. А что творит?

Кошмар

Хромая лошадь тащит катафалк.
Я неподвижен. Умер. Мне обидно.
Я б закричал, кого-нибудь позвал,
Но кто вокруг? —
из гроба плохо видно.

Вот попытался встать. Увы, не смог.
Лежу, мертвец, с зажженной свечою,
Не ощущая рук своих и ног,
И стало как-то жутко мне, не скрою.

За катафалком слышен шум молвы,
Я вдруг увидел радостные лица.
И я их знаю — все давно мертвы.
Что ж, есть тут отчего развеселиться!

Но кто-то крикнул: «Все наоборот!
Ведь этот парень жив. Он просто лжет!»
Да, это правда, я, конечно, лгу!
Вот только, жаль, подняться не могу.

Что было сил из гроба я рванулся,
Погасло пламя траурной свечи...
Ах, боже мой, я, кажется, проснулся!
Сосед по номеру сказал мне:
— Не кричи!..

* * *

Распахнутая дверь
Выходит в никуда.
В окне — но ты не верь —
Две ивы у пруда.

Ветра не шелохнут
Ни ветку, ни листок,
Всегда зеркален пруд,
Всегда горит восток.

А где-то ждет успех,
Большие города,
Но ставить не на тех
Не стоит и труда.

Садисься ни во что
И едешь не туда.
Очнешься... Ну и что?
— Две ивы у пруда.

Жребий

Знаешь: будет все, как прежде.
В ложе счастья мало мест.
Вопреки твоей надежде —
Невезенья черный крест.

Верных шансов не имеешь,
Но как будто неспроста
В глубине себя лелеешь
Мысль: а вдруг один из ста?

Бесполезно тянешь время,
Ждешь чего-то, а потом
Ты вытаскиваешь жребий,
Обозначенный крестом.

* * *

И ночь прожить — не поле перейти,
Когда враждебна каждая песчинка
И целый мир с отвратною начинкой,
А мысль подла — она уже в пути.

И вот ты камнем падаешь с моста
Под поезд, укорачивая время.
Зачем душе твоей такое бремя?
Закрой глаза и досчитай до ста.

И не ходи под утро в синем платье
Туда, где слышен гул и льется свет.
Ну кто поймет, что дело не в расплате
За те грехи, которых просто нет?

Часы стучат. Становится виднее,
Но так тревожно, будто неспроста.
На стуле платье новое синееет...
Закрой глаза и досчитай до ста!

* * *

Куда улетают халеи,
Когда наступает зима,
Березы от холода млеют,
И рано сгущается тьма?

Виденья куда исчезают,
Когда наползает рассвет.
И звезды над крышами тают.
Проснешься — а их уже нет?

Куда наши весны уходят,
Сменив половодьем снега?
А воды спадают, и входят
Все реки в свои берега...

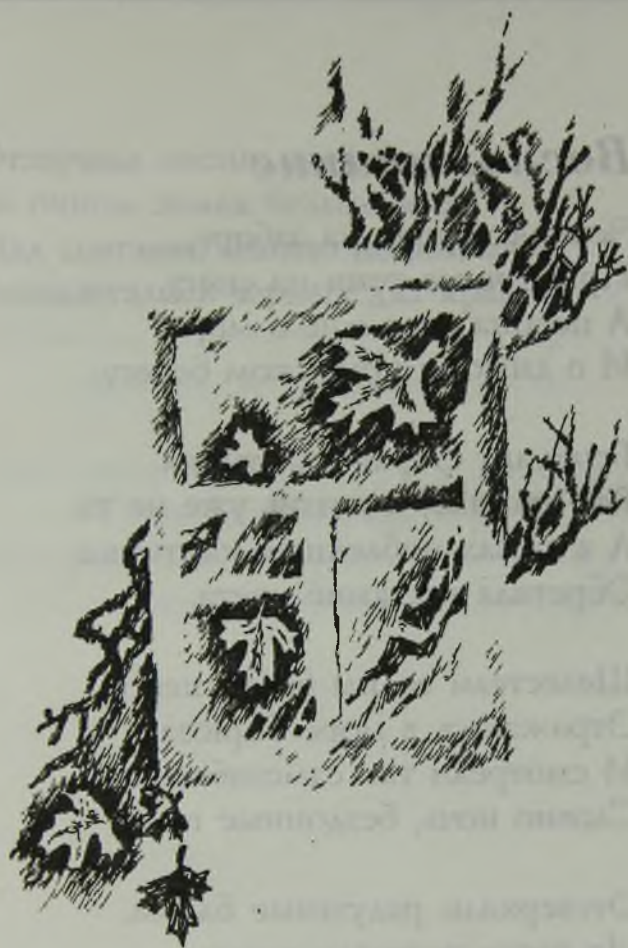

* * *

Сегодня украли даже луну,
С утра продадут на рынке,
Никто не заметит — все тихо уснут,
Товар же будет в новинку.

Живопись словами

Воспоминание

Черная ворона на заборе,
Призрачные тени на снегу.
А певича пела мне о море
И о днях на крымском берегу.

Бередила старая пластинка.
Все прошло, и жизнь уже не та.
А в глазах поблекшая картинка
Обретала прежние цвета.

Шелестели волны белой пеной,
Отражалась в море бирюза.
И смотрели так самозабвенно,
Словно ночь, бездонные глаза.

Отсверкали радужные блики,
На песке растаяли следы.
И воспели чайки дружным криком
Южный рай из солнца и воды.

Отзвучала песня, запинаясь,
За окном земля белым-бела.
Над снегами, плавно поднимаясь,
Распластались черных два крыла.

* * *

Дождь рисует лужи на дорогах
И людей, прикрывшихся зонтами.
Дождь рисует тщательно и много —
Неизменно грустными цветами.

Припустил — расплылись акварели,
Потемнели дымчатые дали.
Дождь рисует хмурый день в апреле,
И других цветов ему не дали.

* * *

Висит гитара на стене.
На ней так долго не играли.
И, как мелодия печали,
Ее молчанье в тишине.

Висит гитара на стене,
Уже поблекшая от пыли.
Пока всего не позабыли,
Споем негромко при луне.

* * *

Солнце катится в изгнание.
День тускнеющий не жалко.
Пахнет томною фиалкой
Желтизна твоих волос.

В этом запахе дыханье
Вечереющего сада,
Трель загадочной цикады,
Робкий проблеск первых звезд.

* * *

После рокота шумных вокзалов
От полуденной вязкой жары
Я уйду в эти тихие залы,
Где распахнуты окна в миры.

Остановится время, из рамок
Выйдут образы давних эпох:
Под луною таинственный замок,
Перекрестки забытых дорог.

Давней смертью не стертые лица
Будут пристально в душу смотреть.
И по-новому вдруг заискрится
Старых рамок потухшая медь.

Натюрморты

На столе в хрустальной вазе
Три оранжевые ветки.
Каждый день роняет листья
Зрелой осени букет.

На столе в хрустальной вазе,
Словно птицы в тесной клетке,
Три бессмысленные ветки,
На которых листьев нет.

Осеннее

Вот и лист последний брошен
У подножья тополей.
Гонит белая пороша
Стаю поздних журавлей.

Мир беднеет и тускнеет,
Правит холод-господин.
Но природа душу греет
Неподкупностью рябин.

* * *

Настольная лампа. Сплошной абажур.
Направленный свет.
В кругу освещенном, как я погляжу,
Есть контур и цвет.

А за абажуром, глотая предметы,
Сгущается тень.
Но правду о том, что там есть, чего нету
Покажет нам день.

Живопись

Палитра в красках непроста,
И, как смычком по струнам скрипки,
Выводишь мягкой кистью гибкой
На свет мелодию холста.

И боль, и радость, и печаль
В мазках находят воплощенье.
Сквозь будней серую вуаль
Вдруг проникает вдохновенье.

На полотне то свет, то тьма,
То шум дождя, то рокот моря.
Душа, парящая в просторе,
Непостижима для ума.

И на словах не передать
Звучанье света, форм и линий,
Шуршанье листьев, шумы ливней,
Как музыку не рассказать.

* * *

Тускнея, истекает алым светом
Над горизонтом солнца мутный шар.
И кажется пейзаж другой планетой,
И сумрак наплывает неспеша.

Крутом лишь снег. Пригорки багровеют,
Синеют тени дремлющих ложбин.
А ненцу тундра все-таки милее,
Чем суета блистающих чужбин.

С холма

Я стоял на вершине холма,
А вокруг овладела пространством
Белизна. Так нехитрым убранством
Очищает и лечит зима.

Вот заря распластала свой стяг,
День вставал из всенощного праха.
И какая-то малая птаха
Трепетала в сосновых ветвях.

Я смотрел, оторваться не мог —
Светел миг в неподвижности, в беге ль,
Ведь Всевышний рисует, как Брейгель
(Или Брейгель творил, словно Бог).

В Хельсинки

На побережье холодно весной.
Залив качает лодки у причала.
Здесь центр страны, и здесь ее начало,
Здесь воздух пахнет морем и сосной.

Где Маннергейм снискал себе почет
В пылу забот, стране своей на славу.
Не проклинают ближнюю державу
И прошлому не предъявляют счет.

Здесь непочтения к памятникам нет,
Историю кроить — пустая трата.
И на Сенатской зябнет император,
Не по погоде ветреной одет.

У фонтана

У большого фонтана
В скандинавской столице
Долговязые станы,
Сероглазые лица.

Где, косматы и грозны,
Жили викинги-предки.
У воды грациозны
Длинноногие шведки.

* * *

В Хельсинки
Сентябрь. Закат.

Бульвар Монмартр в Париже.
К бумаге тихо тянется перо.
Отель. Балкон. Бульвар с него я вижу
Почти таким же, как у Писсарро.

Хотя у Писсарро позднее осень,
Желтей деревья, реже их наряд.
И не авто, а фаэтон уносит
Кого-то, соблюдая правый ряд.

Чуть облачней, и солнце явно выше.
Оно уже за крыши не зайдет.
Читает пешеход одну афишу
Сто первый год.

А над моим балконом небо гаснет.
Внизу Монмартр включает фонари.
Его ко сну склоняет ночь напрасно.
Он не замрет, не стихнет до зари.

В Стокгольме

В Стокгольме море далеко
Вникает в сушу.
Старинный город глубоко
Впадает в душу.

Резвясь, вращает флюгера
Балтийский ветер.
Грустят сырые вечера
В пастельном цвете.

Так низко небо, что лежит
На острых шпилях.
И зелень скудная дрожит,
Забыв о штилях.

Давно на рейде затонул
Могучий «Васа».
Но густо тянутся в страну
Морские трассы.

* * *

Раз не ладится стих
 (впечатлений так много!),
У святого порога
 написал бы эссе.
Но всего не постиг —
 загостил у Ван Гога,
В лабиринтах у Бога —
 в знаменитом д'Орсэ.
Может, Господи, мне
 выдашь рифму авансом.
Хоть на «Полдень в Провансе»
 (я и больше не прочь),
Явно или во сне
 пусть мне будет по вере.
Эта «Церковь в Овере»,
 эта «Лунная ночь»?

У Сибелиуса

Пасмурным утром дождливого мая
На суету туристических групп
Смотрит Сибелиус, молча внимая
Таинству музыки каменных труб.

Дождь издает шелестящие звуки.
Чудится: слышен печальный хорал.
Нем композитор, но были бы руки —
Он бы сыграл...

* * *

Транзит. Не отягченная делами,
Явив в металле блеск и наготу,
Она взмахнула быстрыми крылами
В столичном датском аэропорту.

Она едва коснулась пьедестала,
Мне все казалось, что вот-вот взлетит.
И в свете дня полупрозрачной стала —
Ей этого никто не запретит.

Ах, муза, муза, если бы могла ты
Сорваться с места, уловив момент...
Мы все в душе хоть чуточку крылаты,
И всех нас прочно держит постамент.

Склонись ко мне, мы
вроде бы знакомы.
Заочно, правда, с головы до ног.
Но друг от друга слишком далеко мы,
Я вспомнить даже имени не смог.

Эскиз

Ты со мной гуляешь вдоль прибоя,
Небо густо смазано закатом.
Волны след стирают за тобою
Шелестящим медленным накатом.

Отблеск солнца красит что встречает.
Вспоминая, вижу как теперь я:
Над водой кружится пара чаек
И роняет розовые перья.

Предутреннее

Еще угрюмый зыбкий горизонт,
Чуть просветленьем тронутый с востока,
Не истекает охры ярким соком,
Как в Альтамире раненый бизон.

Уже пропели хрипло петухи,
И тишина не вздрогнула пугливо,
Искрится небо цвета спелой сливы,
И так свободно пишутся стихи!

Оглавление

В.Рогачев. Не позволяй душе лениться...	3
«Окно приотворю... Как воздух свеж...»	
«То светит солнце в миллион свечей...»	14
Утро	15
Зимнее	16
«Сорвался снег. Февральский вечер...»	17
«Гудит метель полночною порой...»	18
«Сквозь декабрьские метели...»	19
«Терялся сердца частый стук...»	21
Отъезд	22
В пути	23
Ожидание	24
Весна	25
«Прохудилась крыша поднебесья...»	26
Шарманщик	27
Весна в Сургуте	28
«Окно приотворю... Как воздух свеж...»	30
Лесное скерцо	31
Письмо	33
«Поднимаюсь я бодро в дремотную рань...»	35
«Свет фонарей в окно сквозит немножко...»	36
«Мне кажется, что я здесь раньше был...»	
Последний патрон	40
Бомба	41
Кремль	43
«Облетает листва...»	45
Жилище	46
Вороны	47
Призрак	48
«Мы стоим в тупике, где кончаются рельсы...» ..	50
«Я в детстве видел: старый инвалид...»	51

Поворот	53
Девяностому году	55
Скачки	56
Ослик	57
«Мы мимо попранных святынь...»	59
«Я избитой тайгою иду...»	61
«Куда ни кинь — все черный клин...»	63
«Мне кажется, что я здесь раньше был...»	65
Девяносто первому году	66
«Давайте покричим о чем-нибудь...»	67
«Шепчущий ход будильника...»	68
«Дни беспросветные. Игры без правил...»	70
«Сколько ж нам учиться, чтобы видеть...»	71
«Мы все поселимся на юге...»	72
«Куда улетают халеи...»	
Возвращение	76
Видение	77
Гроза в степи	79
Водоворот	80
«Войду в покой густых дубрав...»	81
Об ушедшем	83
«Чем-то опечаленные ивы...»	85
«Ни тоски, ни молвы не боялась...»	86
«Когда последний меркнет свет...»	88
«У меня в душе гнездится...»	89
«По жизни дороги нелегкие водят...»	90
«Люблю смотреть у плавных горок...»	91
Беговой лошади	93
Сон в дороге	94
Бродяга	96
«Да, кончилось годов моих раздолье...»	98
«Ты так загадочно молчала...»	99
«Если ты устал, ослаб и сник...»	100
В космических объектах	102

«Отблеск заката погаснуть не хочет...»	103
«Ускорилось вращение Земли...»	105
«С годами обрастаем оболочкой...»	106
Селенит	107
Йетти	108
НЛО	109
Кошмар	110
«Распахнутая дверь...»	112
Жребий	113
«И ночь прожить — не поле перейти...»	114
«Куда улетают халеи...»	115
«Сегодня украли даже луну...»	116

Живопись словами

Воспоминание	120
«Дождь рисует лужи на дорогах...»	122
«Висит гитара на стене...»	123
«Солнце катится в изгнание...»	124
«После рокота шумных вокзалов...»	125
Натюрморты	126
Осеннее	127
«Настольная лампа. Сплошной абажур...»	128
Живопись	129
«Тускнея, истекает алым светом...»	130
С холма	131
В Хельсинки	132
У фонтана	133
«Сентябрь. Закат. Бульвар Монмартр в Париже...»	134
В Стокгольме	135
«Раз не ладится стих...»	136
«Транзит. Не отягченная делами...»	138
Эскиз	139
Предутреннее	140

Дмитрий Алексеевич Сергеев

Куда улетают халеи...

Стихи.

Художественный редактор В.Дыба.
Технический редактор Ю.Мандрика.
Корректор Н.Тиунова.
Оператор ПЭВМ Н.Нохрина.

Художник А.Кухтерин.

**Книга издана по заказу
Комитета по информации
и печати
администрации Сургутского района.**

Сдано в набор 20.10.96 г.
Подписано в печать 02.12.96 г.
Формат 70х90/32. Гарнитура «Lazursky».
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Уч.-изд. л. 3,4. Усл.-печ. л. 5,25.
Тираж 2000 экз. Заказ № 922.

Лицензия ЛП №063670 от 24.10.94 г.

Издательство «СофтДизайн»

Адрес для переписки: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.
Тел. (345-2) 26-12-09.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ИПП
«Уральский рабочий».

620219, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 13.

